

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10603

Концептъ любви и формы его воплощенія въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Идіотъ»

А. А. Скулкинъ

*Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королева*

(г. Самара, Российская Федерация)

e-mail: skulkin21@yandex.ru

Аннотация. Концептъ любви въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Идіотъ» разсматривается съ точки зрѣнія трёхъ религіозно-философскихъ типовъ любви, выдѣленныхъ В. С. Соловьёвымъ, а именно: любви восходящей (*amor ascendens*), любви нисходящей (*amor descendens*) и любви уравновѣшенной (*amor aequalis*). Такой подходъ позволяетъ не только концептуализировать формы проявленія любви въ романѣ «Идіотъ» въ контекстѣ размышленія В. С. Соловьёва, но и обозначить тѣмъ самымъ читательскую традицію адекватнаго воспріятія произведенія Достоевскаго, связанную съ мыслительной и духовной атмосферой эпохи. Видѣніе смысловъ романа «глазами» В. С. Соловьёва даётъ возможность намѣтить национально-цѣлностный кодъ чтенія. Каждому обозначенному философомъ типу любви въ романѣ Достоевскаго соотвѣтствуетъ любовь нисходящая (*amor descendens*), воплощённая въ любви родительской (Лизаветы Прокофьевны и Ардалиона Александровича), любви жертвенной (Настасьи Филипповны Барашковой) и христіанской любви (Льва Николаевича Мышкина). Формами воплощенія любви восходящей (*amor ascendens*) стали проявленія безкорыстной дѣтской любви (швейцарскихъ дѣтей) и страстной любви (Парѣёна Рогожина). Къ формамъ воплощенія любви уравновѣшенной (*amor aequalis*) можно отнести «братскую» любовь (сестёръ Епанчиныхъ, Аглаи, Аделаиды, Анастасіи). Однако любовь къ Богу является іерархически высшей формой любви (вбирающей въ себя и всѣ другія), дѣйственная сила которой начинается съ вѣры: поэтому не случайно эпизодъ съ картиной Ганса Гольбейна Младшаго «Мёртвый Христосъ въ гробу» становится смыслопорождающимъ теoантропнымъ центромъ романа «Идіотъ».

Ключевые слова: Ѳ. М. Достоевскій, «Идіотъ», В. С. Соловьёвъ, любовь, нисходящая, восходящая, уравновѣшенная, традиціонная орѳографія

Для цитирования: Скулкинъ А. А. Концептъ любви и формы его воплощенія въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Идіотъ» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 187–207. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10603

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10603

The Concept of Love and the Forms of Its Embodiment in the Novel by F. M. Dostoevsky “The Idiot”

Artyom A. Skulkin

*Samara National Research University named after S. P. Korolev
(Samara, Russian Federation)*

e-mail: skulkin21@yandex.ru

Abstract. In the article, the concept of love, embodied in F. M. Dostoevsky’s novel “The Idiot,” is considered from the point of view of three religious and philosophical types of love identified by V. S. Solovyov, namely, ascending love (*amor ascendens*), descending love (*amor descendens*) and balanced love (*amor aequalis*). This approach allows not only to conceptualize the forms of manifestation of love in “The Idiot” in the context of V. S. Solovyov’s thoughts, but also to identify the readers’ tradition of adequate perception of Dostoevsky’s work, associated with the mental and spiritual atmosphere of the era. Seeing the meanings of the novel through the “eyes” of V. S. Solovyov allows to outline the national value code of reading. Each type of love designated by the philosopher in Dostoevsky’s novel corresponds to descending love (*amor descendens*), embodied in parental love (Lizaveta Prokofievna and Ardalion Alexandrovich), sacrificial love (Nastasya Filippovna Barashkina) and Christian love (Lev Nikolaevich Myshkin). The manifestations of selfless children’s love (Swiss children) and passionate love (Parfyon Rogozhin) became forms of embodiment of ascending love (*amor ascendens*). The forms of embodiment of balanced love (*amor aequalis*) include “brotherly” love (Epanchiny sisters: Aglaya, Adelaide, Anastasia). However, the love of God is the highest form of love in hierarchy (which includes all others), the effective power of which begins with faith: therefore, it is no coincidence that the episode with the painting by Hans Holbein the Younger “Dead Christ in the Tomb” becomes the meaning-generating theanthropic center of “The Idiot.”

Keywords: F. M. Dostoevsky, “The Idiot”, V. S. Solovyov, love, descending, ascending, balanced, traditional orthography

For citation: Skulkin A. A. The Concept of Love and the Forms of Its Embodiment in the Novel by F. M. Dostoevsky “The Idiot”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 187–207. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10603 (In Russ.)

Въ 2000 г. В. А. Свительскій выступилъ съ рѣзко критической статьёй «Сбились мы. Что делать нам!..»: к сегодняшним прочтениям романа «Идиотъ», призывающей пишущихъ о произведеніи Ф. М. Достоевскаго къ научному благоразумію: «Надо бы нам разобраться в сумбуре мнений, возникших вокруг этой “самой одухотворенной” из книг писателя» [Свительскій: 228]. Въ 2018 г. В. В. Борисова въ статьѣ «Роман Ф. М. Достоевскаго “Идиотъ”: история и типология пониманія» настроила научное сообщество на миролюбивый ладъ: «Этой интерпретационной свободой каждый исследователь, каждый комментатор, как показывает практика, распоряжается по-своему» [Борисова: 199]. Другими словами, въ современной достоевистикѣ каждый занимается своимъ дѣломъ. И призывы учёныхъ отказаться отъ примѣненія подходовъ, неадекватныхъ содержанію произведеній Достоевскаго [Кибальник], навѣрное, нескоро будутъ услышаны. Болѣе продуктивнымъ представляется предложеніе И. А. Есаулова, реализованное имъ же самимъ въ коллективной монографіи «Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевскаго» (2021), — приглашеніе разобраться въ сущности этихъ подходовъ, опредѣлить ихъ историческія и эвристическія возможности и предѣлы, — и тогда, по мысли учёнаго, всё встанетъ (и всё встанутъ) на свои мѣста [Есаулов, 2021a].

Однако, несмотря на незатихающій «рецептивный конфликтъ» [Борисова: 194], въ достоевистикѣ обозначилась ощутимая тенденція современнаго изученія романа Достоевскаго «Идіотъ»: замѣтенъ повышенный интересъ къ аксіологической проблематикѣ романа, къ культурно-историческимъ и къ глубокимъ религіознымъ и философскимъ контекстамъ его пониманія ([Евлампиев], [Есаулов, 2021b], [Исупов], [Касаткина, 2020, 2021a, 2021b], [Соина, Сабиров]).

Предлагаемая статья выполнена какъ разъ въ руслѣ аксіологическаго литературовѣдѣнія и посвящена разсмотрѣнію концепта любви [Орвин] и формъ его проявленія въ романѣ Фёдора Михайловича Достоевскаго «Идіотъ» (1868).

Въ качествѣ непосредственнаго художественнаго текста, ставшаго предметомъ изученія въ данной работѣ, было взято

каноническое переиздание романа¹, выполненное въ авторской орѳографіи и пунктуаціи подъ редакціей В. Н. Захарова. Какъ и текстъ произведенія, представленный въ его изначальномъ видѣ, статья выполнена въ соответствіи съ правилами традиціонной русской орѳографіи: о національномъ писателѣ XIX вѣка слѣдуетъ писать въ наиболѣе адекватной ему графической формѣ, сохранившей вѣковую связь не только съ первой славянской письменностью эпохи Кирилла и Меѳодія, но и съ духовными традиціями, получившими въ ней своё зримое воплощеніе. Попытка графическаго оформленія изслѣдовательской мысли въ буквахъ традиціонной орѳографіи осознается какъ маленькій шагъ по преодолѣнію духовнаго «безпутья», о которомъ въ своё время писалъ Г. В. Флоровскій [Флоровскій].

Какъ справедливо утверждаетъ И. А. Есауловъ, въ эпоху «засилья мозаичной эклектики и терминологической разноголосицы в современной филологии» [Есаулов, 2021а: 7] изслѣдователю, стремящемуся къ адекватному постиженію художественныхъ произведеній, необходимо преодолѣть «etic-подход»: «Творчество Достоевскаго при etic-подходе, будь он марксистскій, структуралистскій или фрейдистскій, является лишь иллюстраціей действия болѣе общихъ “закономерностей” (излюбленное слово для представителей “объяснительнаго” etic-подхода)» [Есаулов, 2021а: 25]. Наиболѣе продуктивнымъ, указываетъ учёный, является «emic-подход» «При emic-подходе делается попытка рассмотреть явления и ихъ взаимосвязь (структуру) глазами людей, которые относятся к данной культуре» [Есаулов, 2021а: 25].

Въ данной статьѣ концептъ любви, воплощённый въ романѣ Ө. М. Достоевскаго «Идиотъ», рассматривается съ точки зрѣнія трёхъ религиозно-философскихъ типовъ любви, выдѣленныхъ

¹ Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. Т. 8. 848 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

В. С. Соловьёвымъ въ работахъ «Смысль любви»² и «Любовь»³, а именно: любви восходящей (*amor ascendens*), любви нисходящей (*amor descendens*) и любви уравнивающей (*amor aequalis*) (*Соловьёвъ*, т. 10: 236). Въ наиболѣе общемъ выраженіи любовь, по В. С. Соловьёву, есть «влеченіе одушевленнаго существа къ другому для соединенія съ нимъ и взаимнаго восполненія жизни» (*Соловьёвъ*, т. 10: 236).

Такой типологическій подходъ позволяетъ не только концептуализировать формы проявленія любви въ романѣ «Идіотъ» въ контекстѣ размышленій В. С. Соловьёва, но и обозначить тѣмъ самымъ читательскую традицію адекватнаго воспріятія произведенія Достоевскаго, связанную съ мыслительной и духовной атмосферой эпохи. Романъ, какъ и статья были написаны въ условіяхъ одной культурной парадигмы послѣдняго пятидесятилѣтія существованія Россійской Имперіи, а значитъ являются хранителями единой духовной традиціи того общества, въ которомъ они были созданы.

Естественно, предложенная В. С. Соловьёвымъ классификація любви «не покрываетъ» всего многообразія формъ любви, запечатлѣнныхъ въ романѣ, но не нарушаетъ логики культуры и болѣе того предлагаетъ одинъ изъ возможныхъ проблемно-тематическихъ ключей прочтенія. Видѣніе смысловъ романа Достоевскаго «глазами» В. С. Соловьёва даётъ возможность намѣтить и національно-цѣлностный кодъ чтенія русской классики.

Любовь нисходящая (amor descendens)

Родительская любовь. Подъ понятіемъ любви нисходящей, любви, которая болѣе даётъ, нежели получаетъ, В. С. Соловьёвъ понимаетъ любовь родительскую. Ту, которая направлена отъ любящихъ родительскихъ сердецъ къ требующимъ заботы

² Соловьёвъ В. С. Смысль любви // Собраніе сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьёва: въ 10 т. СПб.: Просвѣщеніе, 1911–1914. Т. 7. С. 3–60. Далее ссылки на это изданіе приводятся в тексте статьи с использованием сокращенія *Соловьёвъ* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ Соловьёвъ В. С. Любовь // Собраніе сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьёва: въ 10 т. СПб.: Просвѣщеніе, 1914. Т. 10. С. 236–238. Далее ссылки на это изданіе приводятся в тексте статьи с использованием сокращенія *Соловьёвъ* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

и вниманія дѣтямъ. Родительскую любовь зачастую принято называть материнской, такъ какъ именно въ заботѣ матери о дѣтяхъ ея чувства выражаются наиболѣе полнымъ и характернымъ образомъ.

Въ романѣ представлены двѣ семьи (Епанчиныхъ, Птицыныхъ), въ которыхъ проявленіе родительской любви специфично выражено. Въ первую очередь — это семейство Епанчиныхъ, гдѣ носительницей любящаго родительскаго сердца является Лизавета Прокофьевна, женщина взбалмошная и довольно вспыльчивая, но по-своему добрая и заботливая. И хотя генералъ Епанчинъ въ равной степени является такимъ же представителемъ старшаго поколѣнія семьи, какъ и его жена, но всё же именно она со своимъ неоднороднымъ и весьма переменчивымъ характеромъ воплощает родительскую любовь въ ея индивидуально-земномъ своеобразіи.

Несмотря на внѣшнюю агрессивность, выраженную въ многочисленныхъ замѣчаніяхъ и упрѣкахъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, Елизавета Прокофьевна, какъ человекъ любящій и имѣющій склонность къ сопереживанію, находится въ постоянномъ состояніи безпокойства за судьбу любимыхъ дочерей. Такъ, въ преддверіи наступающей женитьбы Аглаи мать «сбивается съ толку»:

«...конечно, и Лизавета Прокофьевна раньше всѣхъ все предвидѣла и узнала, и давно уже у ней “болѣло сердце”, но — давно ли, нѣтъ ли, — теперь мысль о князѣ вдругъ стала ей слишкомъ не понутру, собственно потому что сбивала её съ толку» (520).

Лизавета Прокофьевна хотѣла бы избавиться отъ навязчивыхъ мыслей о князѣ и предстоящей свадьбы дочери, но на уровнѣ подсознательномъ не можетъ себѣ позволить перестать думать о судьбѣ родного чада.

Семья Птицыныхъ — это уже совершенно иная по своему складу и внутреннему состоянію семья. Птицыны как семья, въ отличіе отъ Епанчиныхъ, гораздо менѣе сплоченные и гармоничные. Виною тому въ первую очередь является отецъ семейства генералъ Иволгинъ, котораго можно въ опредѣленномъ смыслѣ противопоставить строгой и сдержанной въ своей любви Лизаветѣ Петровнѣ.

Именно на характеръ Ардаліона Александровича стоитъ обратить вниманіе. Внутренній надломъ генерала съ каждымъ годомъ сказывался всё больше на его отношеніяхъ съ близкими, однако при всёмъ непостоянствѣ своего характера онъ всегда (порой неожиданно для самого себя) оставался вѣренъ своей семьѣ, горячо любя её:

«Онъ вдругъ вспоминалъ, что онъ “отецъ семейства”, мирился съ женой, плакалъ искренно» (494).

Пережитое потрясеніе, оставленное авторомъ за повѣствовательными рамками произведенія, кардинально повлияло на жизнь генерала Иволгина. Къ моменту дѣйствія романа генералъ предстаетъ человѣкомъ слабымъ духомъ, чьи лучшіе годы отражались лишь въ полуправдивыхъ исторіяхъ, которыя Ардаліонъ Александровичъ находитъ необходимымъ рассказать каждому встрѣчному собесѣднику. Однако именно въ противорѣчивой сущности генерала скрывается секретъ его глубокаго чувства любви къ близкимъ. Не отдавая отчётъ своимъ поступкамъ, генералъ также яро требуетъ уваженія отъ своихъ близкихъ, какъ и въ послѣдствіи упрекаетъ себя за совершённые неблаговидные поступки. Этотъ человѣкъ не знаетъ предѣла въ зависимости не только алкогольной или азартной, но и въ сердечной, уже относящейся къ семьѣ. Иными словами, генералъ любитъ своихъ родныхъ такъ же горячо, какъ и совершаетъ любое другое дѣйствіе, мотивируемое страстнымъ душевнымъ порывомъ.

Его любовь, въ отличіе отъ любви Лизаветы Прокофьевны, непосредственна и открыта, является столь же ранимой, сколько и сильной. Можно предположить, что именно эта необузданность въ страстяхъ и стала причиной неожиданной смерти генерала. Столкновение чувства гордости съ ещё болѣе сильнымъ чувствомъ любви, безъ которой генералъ Иволгинъ не могъ жить, опредѣлило печальный исходъ его жизни.

Жертвенная любовь. По своей природѣ любовь жертвенная въ равной степени, какъ и любовь родительская, является формой воплощенія любви нисходящей. Въ опредѣлённой степени справедливымъ будетъ замѣчаніе, что жертвенная любовь имѣетъ гораздо большее право считаться именно

нисходящей, или отдающей, чѣмъ материнская. Родительскую любовь можно объяснить естественными природными инстинктами и чувствомъ материнской и отцовской привязанности. Любовь же жертвенная цѣликомъ и полностью есть любовь осознанная, требующая волевого рѣшенія, переступанія черезъ себя.

Въ романѣ героиней, въ характере которой содержатся свойства жертвенной любви, является Настасья Филипповна Барашкова: она скорѣе сама по себѣ есть воплощеніе жертвенной любви и жертвы.

Съ одной стороны, она испытываетъ чувство мистикоромантического влеченія къ князю Мышкину. С другой — именно въ тотъ моментъ, когда князь со свойственной ему пророческой прозорливостью обнаруживаетъ всю неподдѣльную красоту и чистоту внутренняго міра Барашковой, она, несмотря на своё свѣтлое и радостное чувство, беспощадно подавляетъ его, скрывая за маской искусственного лицемѣрія и наигранной капризности, пребывая, какъ представляется князю Мышкину, въ убѣжденіи:

«Эта несчастная женщина глубоко убѣждена, что она самое павшее, самое порочное существо изъ всѣхъ на свѣтѣ» (447).

Жертвенная же любовь Настасьи Филипповны находитъ гораздо болѣе широкій просторъ для воплощенія въ романѣ. Происходитъ это въ первую очередь потому, что этой любви Настасья Филипповна не противится, это та самая любовь, на которую она, отдавая отчетъ самой себѣ, согласилась однажды и была вѣрна своему «призванію» до самого печальнаго конца, какъ бы предвкушая себя въ качествѣ жертвы. Объ этомъ Рогожинъ говоритъ Мышкину:

«Да потому-то и идетъ за меня, что навѣрно за мной ножъ ожидаетъ!» (222).

Бѣгство отъ любви къ князю стало прямымъ результатомъ логически принятаго рѣшенія о недостойности ея нравственнаго облика: она не могла быть «такой» вмѣстѣ съ Мышкинымъ, предстать «поруганной» передъ его по-христіански чистой душой. Губительными отношеніями съ Рогожинымъ

она не столько пыталась себя отвлечь отъ безплодной и невозможной, по ея мнѣнію, любви ко Льву Николаевичу, сколько наказывала саму себя:

«Я (Настасья Филипповна. — А. С.), говорить, пойду за тебя, Пароень Семеновичъ, и не потому что боюсь тебя, а все равно погибать-то. Гдѣ вѣдь и лучше-то?» (219).

Однако готовность на жертву (жертвенность) Настасьи Филлиповны выводитъ насъ къ центральной проблемѣ романа, которую В. Н. Захаровъ обозначилъ вопросомъ: «Воскресли мертвый Христос?» [Захаров]. Отвѣчая на вопросъ сомнѣнія, учёный пишетъ о православномъ содержаніи романа, о «богословии тридневия», нашедшемъ въ нёмъ своё образное воплощеніе: «Роман Достоевского — роман Великой субботы, когда Бог умер, человек осиротел, человечество осталось наедине с собой, и никто еще ничего не слышал о сошествии Христа в ад и проповеди в аду» [Захаров: 297].

Святитель Филаретъ (Дроздовъ) въ связи съ событіемъ «тридневия» — смертью Христа, сошествіемъ во адъ и воскресеніемъ — напоминаетъ намъ въ «Слове в день Пасхи» (1845): «Воскресение и восхождение Христова началось не от гроба только, но и от ада»⁴.

Но важно обратить вниманіе не только на проблему испытваемой вѣры, заявленную въ романѣ «Идіотъ», но и на сотериологическій аспектъ Воскресенія, который также актуализированъ въ произведеніи Достоевскаго. Нужно помнить, что воскресеніе Христа начинается со спасенія человѣка, съ «со-воскресенія», когда Господь «захватомъ запястья», какъ изображено на православныхъ иконахъ Воскресенія, спасаетъ изъ преисподней Адама и вслѣдъ за нимъ и другихъ героевъ библейской исторіи, «насельников ада» [Иванова]. Послѣ событія воскресенія путь въ Царство Небесное, путь къ воскресенію изъ мѣртвыхъ становится открытымъ для «всякой плоти», какъ объ этомъ говорится въ Дѣянїяхъ святыхъ апостоловъ: «И плоть моя упокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде» (Деян. 2:26–27).

⁴ <Филарет (Дроздов)> Филарета митрополита Московскаго и Коломенскаго творения. М.: Отчий дом, 1994. С. 119.

Не только таинство Воскресенія и связанное съ нимъ сомнѣнїе въ возможности воскресенія «мёртвого», но и сотериология, надежда на спасеніе человѣка волновали Достоевскаго въ романѣ.

Поддерживая мысль В. Н. Захарова о сотериологическомъ содержаніи романа, Т. А. Касаткина доказательно показываетъ, имѣя въ виду и «исходъ» Настасьи Филипповны, что роман «Идиотъ» — это «роман о воскресении» [Касаткина, 2021b: 18]: «О романе “Идиот” часто говорят, что он мрачный и тяжелый, что там все погибают без воскресения, начиная с гольбейновского Христа. Но как минимум одно воскресение там представлено с очевидностью и происходит на глазах читателя. И это предстоящее воскресение нам предсказано буквально в первых строках романа, поскольку оно заключено в имени героини “Настасья”, “Анастасия”: ἀνάστασις (греч.) — для христиан наиболее очевидно значит “воскресение”; однако исходные значения слова — “изгнание”, “переселение” (и Настасья Филипповна — существо, изгоняемое с этой земли, вытесняемое из этого мира грехом другого, преступлением против нее); а еще и — “вставание с места”, “отшествие”, что особенно наглядно реализуется в последней сцене» [Касаткина, 2021b: 19].

Такимъ образомъ, жертвенная любовь какъ проявленіе любви нисходящей, въ какихъ бы формахъ въ романѣ «Идиотъ» она ни запечатлѣвалась, сопряжена съ любовью Христа, съ тѣмъ путёмъ, которымъ Онъ идѣтъ, — нисхожденія и восхожденія.

Христіанская любовь князя Мышкина. Сама суть ученія Христа и Его подвигъ лежатъ въ основѣ формированія теo-антропнаго чувства. Оно выражено въ любви къ Богу, который заповѣдовалъ любить и ближняго своего: «Заповѣдь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34).

Евангельская любовь въ романѣ, как неоднократно было доказано, воплощена въ безразборчивой любви князя ко всѣмъ на его пути встрѣчнымъ людямъ: «Князь Мышкин следует Христовымъ заповѣдям. Он любит ближнего, сострадает страждущему, прощает виноватого, простодушен, говорит то, что

думает, дает исчерпывающие ответы на вопросы, которые ему задают, откровенен с каждым собеседником. На зло не отвечает злом. Кротко сносит пощечину Гани. Милосерден. Не отказывает просящему. Не горд, скромен, бескорыстен, помогает прегрешившему. Ему по силам исполнение одной из самых трудных заповедей: «...любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ» (Мф. 5:44)» [Захаров: 279]. Онъ въ равной степени сострадательно любить «падшую» Настасью Филипповну и погрязшаго въ невѣріи и злобѣ Ипполита. Для него по-христіански каждый человекъ въ отдѣльности представляетъ великую цѣнность. Борьба за просвѣтленіе души каждого человека велась княземъ самоотверженно до самого конца.

Такимъ примѣромъ любви является исторія изъ швейцарскаго періода жизни князя Мышкина: онъ со свойственной ему христіанской заботой пробуждаетъ чувство уваженія сельчанъ, обижавшихъ долгое время бѣдную больную дочь торговки по имени Мари. Проявляя христіанскую добродѣтель, князь постепенно своимъ отношеніемъ добивается ея признанія, а затѣмъ и искренняго пріятія, основаннаго на христіанскомъ чувствѣ любви къ ближнему. Оно пробуждается сначала среди дѣтей, а затѣмъ и вовсе у всѣхъ односельчанъ: дѣвушка, несмотря на свою скорую смерть, «умерла почти счастливая» (79). Благодаря именно дѣйствіямъ князя всѣ окружавшіе его люди преобразились:

«Черезъ нихъ (жителей села. — А. С.) она забыла свою черную бѣду» (79).

Финальная сцена романа, въ которой впавшій въ безпамятство Левъ Николаевичъ сидитъ подлѣ Рогожина, терзаемаго горячечнымъ бредомъ, наиболее показательнымъ образомъ иллюстрируетъ всепреодолимую и безконечную въ своей искренности любовь князя къ человеку, совершившему убійство единственной женщины въ мірѣ, способной понять свѣтлую душу князя. Онъ не испытываетъ злобы или ненависти къ этому человеку. Презрѣніе или страхъ также чужды Мышкину въ эту минуту. Единственное чувство, которое не покидаетъ

потрясеннаго до безпамятства Льва Николаевича, — это состраданіе къ Рогожину, къ его заблудшей душѣ:

«Князь сидѣлъ подлѣ него неподвижно на подстилкѣ и тихо, каждый разъ при взрывахъ крика или бреда больного, спѣшилиъ провести дрожащей рукой по его волосамъ и щекамъ, какъ бы лаская и унимая его» (629).

Надежда на спасеніе заблудшей души Рогожина не покидаетъ Мышкина до послѣдняго.

Любовь восходящая (amor ascendens)

Дѣтская любовь. Въ дѣтской любви В. С. Соловьёвъ видѣлъ безкрайне чистую сущность любви, соединяющей въ себѣ любовь восходящую, «которая болѣе получаетъ», и нисходящую, «которая болѣе даетъ» (*Соловьёвъ*, т. 10: 236). Но для того чтобы умѣть нисходить въ своей любви (жертвовать, отдавать) необходимо сначала научиться восходить въ ней. Такъ какъ большинство процессовъ обученія и осваиванія навыковъ человѣкомъ проходятъ именно въ дѣтскомъ возрастѣ, то и вся полнота любви восходящей раскрывается въ этотъ періодъ человѣческой жизни.

Дѣтская любовь по своему опредѣленію есть любовь искренняя и неподдѣльная. Её невозможно обмануть или исказить. Данный мотивъ о чистотѣ дѣтской любви проходитъ черезъ весь романъ. Дѣтская любовь открыта міру, поэтому «отъ дѣтей ничего не надо утаивать, подъ предлогомъ, что они маленькіе и что имъ рано знать» (73). Дѣтское сердце столь же чисто и открыто къ новымъ откровеніямъ, сколько же кристаленъ и безоблаченъ ихъ свободный отъ пороковъ разумъ.

Въ романѣ наиболѣе характернымъ образомъ любовь дѣтская проявлена въ эпизодѣ съ Мари, которую «проѣзжіи французскій комми соблазнилъ <...> и увезъ, а черезъ недѣлю на дорогѣ бросилъ одну и тихонько уѣхалъ» (74). Дѣвушка стала объектомъ насмѣшекъ и жертвой ненависти въ деревнѣ. Однако стараніями благороднаго сердца князя Мышкина Мари всё-таки удалось спасти. И именно дѣти стали тѣмъ самымъ тонкимъ «мостикомъ» человѣколюбія, который вернулъ сельчанамъ ихъ утерянное состраданіе къ униженной и оскорбленной дѣвушкѣ. Этотъ примѣръ иллюстрируетъ

и въ буквальномъ смыслѣ воплощаетъ въ жизнь ранѣ сказанныя слова князя: «Черезъ дѣтей душа лѣчится...» (73). Дѣтская восходящая любовь, въ отличіе отъ взрослой, столь чиста и доступна для новыхъ обрѣтеній. Дѣти искренне повѣрили въ слова Льва Николаевича и стали первыми послѣ князя людьми въ деревнѣ, которые открыли свою душу для любви къ бѣдной дѣвушкѣ. Стоитъ замѣтить, что не пасторъ, не родная мать, не ужъ тѣмъ болѣе сельчане, а именно дѣти первыми стали подавать руку помощи нуждающейся: и въ этомъ они проявили безпредѣльную самоотверженность и чистоту намѣреній. Въ простомъ, и въ то же время глубокомъ, по своему внутреннему наполненію душевному отклику заключается главная особенность любви дѣтской. Способность любить и отдаваться цѣликомъ этому чувству, невзирая на любяя «раціональныя» преграды на пути въ его воплощеніи. Для нихъ это была дѣйствительно радость восхожденія, обретенія дара любви:

«Дѣтямъ запретили даже и встрѣчаться съ нею, но они бѣгали потихоньку къ ней въ стадо, довольно далеко, почти въ полверстѣ отъ деревни; они носили ей гостинцевъ, а иные просто прибѣгали для того, чтобы обнять ее, поцѣловать, сказать: “Je vous aime Marie!”» (77).

Страстная любовь. Безудержнымъ влеченіемъ, какъ и дѣтская любовь, какъ ни странно, характеризуется страстная любовь. Она представляется по своей сути чувствомъ настолько мощнымъ, что ея необузданность зачастую имѣетъ всѣ предпосылки для полного овладѣнія разумомъ своего носителя, вплоть до потери контроля надъ собой въ выраженіи этой любви.

Въ романѣ носителемъ страстнаго влеченія, «страстно-непосредственной любви»⁵, по замыслу Достоевскаго, является Пароёнъ Семёновичъ Рогожинъ. Этотъ герой можетъ по праву считаться олицетвореннымъ воплощеніемъ страсти.

В. С. Соловьёвъ, характеризуя такую «страстно-непосредственную» (половую) любовь, вскрываетъ её трагический парадоксъ: онъ называетъ её «обманутой природой» (*Соловьёвъ*, т. 7: 30). Въ такой любви, казалось бы, обнаруживаются

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 9. С. 220.

всѣ признаки жертвеннаго выхода изъ себя: «перенесенія всего нашего жизненнаго интереса изъ себя въ другое» (*Соловьёвъ*, т. 7: 21), «проблесковъ неземнаго блаженства», «вѣянія нездѣшной радости» (*Соловьёвъ*, т. 7: 46). Однако постоянное возвращеніе «къ смыслу животному» (*Соловьёвъ*, т. 7: 48), чѣмъ отличается страстная любовь, ведётъ къ её угасанію: «...любовный паѳосъ приходитъ и проходитъ» (*Соловьёвъ*, т. 7: 49). «Отсюда же, — заключаетъ В. С. Соловьёвъ, — и глубочайшее страданіе любви, безсильной удержать свой истинный предметъ и всё болѣе и болѣе отъ него удаляющейся» (*Соловьёвъ*, т. 7: 46).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что князь Мышкинъ, умѣющій читать знаки судьбы, пророчески заявляетъ Парѣну, предчувствуя печальную развязку его отношеній съ Настасьей Филипповной:

«...твою любовь отъ злости не отличишь <...> а пройдетъ она, такъ, можетъ, еще пуще бѣда будетъ <...> Ненавидѣть будешь очень ее за эту теперешнюю любовь, за всю эту муку, которую теперь принимаешь» (220).

Злоба, обрушившаяся въ конечномъ итогѣ на Настасью Филипповну, имѣетъ ту же природу, что и любовь, которую ранѣе къ ней испытывалъ Рогожинъ: «...возвращеніе къ смыслу животному». Что бы ни дѣлалъ Парѣнъ Рогожинъ, его дѣйствія всегда будутъ сопровождаться непреодолимой страстью. Она же въ конечномъ итогѣ и приведетъ его къ фатальному рѣшенію: «Рогожин воплощает стихийное начало жизни. Он ни за что не уступит Настасью Филипповну сопернику. Любовь мыслится им как безраздельное обладание другим. В отчаянье и тоске герой сознает, что Настасья Филипповна не дается ему, ей мало быть “рогожинской”, она хочет иных проявлений любви. Парфен стремится подчинить или уничтожить то, что противится его воле. Он готов убить князя Мышкина, который только что стал его крестным братом. Он убивает Настасью Филипповну» [Захаров: 285].

Любовь уравновешенная (amor aequalis)

В. С. Соловьёвъ въ работѣ «Смысль любви», описавъ формы проявленія любви нисходящей и восходящей, указываетъ

на то, что каждая изъ нихъ потенциально сопряжена съ противоположной формой: «Такимъ образомъ, истинная любовь есть нераздѣльно и *восходящая*, и *нисходящая* (*amor ascendens* и *amor descendens...*)» (Соловьёвъ, т. 7: 46).

Братская любовь. Братская любовь — это форма проявленія уравновѣшенной любви. Конечно, можно говорить, что въ романѣ Достоевскаго такая любовь, представленная какъ сестринская, находитъ воплощеніе во взаимоотношеніяхъ сестёръ Епанчиныхъ. Сёстры Епанчины, Аглая, Аделаида и Александра, живутъ въ атмосферѣ согласія. Онѣ прекрасно образованны, увлечены чтеніемъ, живописью, музыкой. По своимъ характерамъ сёстры дополняютъ другъ друга, умѣютъ найти общій языкъ и компромиссныя рѣшенія. Если младшей сестрѣ Аглаѣ свойственна рѣзкая переменна настроеній, то старшая сестра является ея полной противоположностью, дѣвушкой спокойной и сдержанной, а средняя Аделаида вобрала въ себя черты характеровъ двухъ сестёръ. На эти идиллическія отношенія авторъ указываетъ въ самомъ началѣ романа:

«Извѣстно было, что онѣ замѣчательно любили другъ друга и одна другую поддерживали» (20).

Однако идиллическая замкнутость братской любви не можетъ — безъ испытаній и невзгодъ (безъ страданія) — претендовать на жизнеспособность. Такое испытаніе выпадаетъ на долю Варвары Ардаліоновны, любящей брата и идущей ради него на хитрость:

«Видя брата въ несчастіи, она (Варвара. — А. С.) захотѣла помочь ему, несмотря на всѣ прежнія семейныя недоумѣнія» (479).

Выраженіемъ любви Варвары къ брату становится ея внѣдреніе въ семейство Епанчиныхъ:

«Она задала себѣ задачу обернуть ихъ обоихъ, брата и Аглаю, опять другъ къ другу» (479).

Этотъ жестъ со стороны Варвары Ардаліоновны былъ цѣликомъ и полностью детерминированъ альтруистическимъ желаніемъ помочь брату.

Однако, какъ справедливо замѣтила Т. А. Касаткина, тако-го рода служеніе ближнему характеризуются «границами, совпадающими с границами отдельного человеческого тела» [Касаткина, 2021b: 14], и даже семейная идиллія не рѣшаетъ проблему «вселенскаго братства»: «Итак, пара — это еще более радикальная отделенность, обособленность, чем единица, потому что в результате уединения пары человек способен ощутить свою “достроенность” и завершенность, чего почти никогда не удается отъединенному *я*. Пара — это максимально устойчивая структура природной природы, которая наиболее успешно способна отстаивать свою отдельность» [Касаткина, 2021b: 25].

Рѣшеніе проблемы любви въ романѣ связано съ вѣрой. «Дѣло истинной любви, — писалъ В. С. Соловьѣвъ, — прежде всего основывается на *вѣрѣ*» (Соловьѣвъ, т. 7: 43). А это опять обращаетъ насъ къ реально зримому мистическому центру романа — къ картинѣ Ганса Гольбейна Младшаго «Мѣртвый Христосъ въ гробу». Впечатлѣніе отъ этого полотна довольно точно, оттого и пугающе, передаетъ Ипполитъ:

«Но странно, когда смотришь на этотъ трупъ измученнаго человѣка, то рождается одинъ особенный и любопытный вопросъ: если такой точно трупъ (а онъ непременно долженъ былъ быть точно такой) видѣли всѣ ученики Его, Его главные будущіе апостолы, видѣли женщины, ходившія за нимъ и стоявшія у креста, всѣ вѣровавшіе въ него и обожавшіе Его, то какимъ образомъ могли они повѣрить, смотря на такой трупъ, что этотъ мученикъ воскреснетъ? Тутъ невольно приходитъ понятіе, что если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то какъ же одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь даже Тотъ, Который побѣждалъ и природу при жизни Своей, Которому она подчинялась, Которой воскликнулъ: “Талиѳа куми”, — и дѣвица встала, “Лазарь, гряди вонъ”, — и вышелъ умершій? Природа мерещится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмаго звѣря или, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе сказать, хоть и странно, — въ видѣ какой-нибудь громадной машины новѣйшаго устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо — такое Существо, Которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ

ея, всей земли, которая и создавалась-то, можетъ-быть, единственно для одного только появленія этого Существа!» (420–421).

Ипполитомъ выражается одна изъ ключевыхъ мыслей романа о воскрешеніи Христа послѣ его смерти, которую справедливо многіе литературовѣды проецируютъ на неоднозначную концовку «Идіота» и на центральную проблематику романа. Въ частности, можно отмѣтить выводъ, сдѣланный В. Н. Захаровымъ въ статьѣ «Воскрес ли мертвый Христос?»: «В этом откровении состоит художественная правда романа: природа сокрушила плоть, но жив дух князя Мышкина, вочеловечен идеал, восхитительно явление “положительно прекрасного человека” среди людей» [Захаров: 298].

Однако, возвращаясь непосредственно къ полотну и его роли въ романѣ, мы выдѣлимъ наиболѣе значимой для разсмотрѣнія сцену разговора князя съ Рогожинымъ въ его домѣ, гдѣ «надъ дверью въ слѣдующую комнату висѣла одна картина...» (224). Именно въ этомъ эпизодѣ описанъ довольно лаконичный, но глубокий въ посылѣ діалогъ между героями. Дѣло въ томъ, что картина Гольбеина Младшаго воплощаетъ довольно тривиальный среди художниковъ минувшихъ эпохъ сюжетъ — мёртваго Христа въ гробу. Особенностью его полотна становится то, какъ онъ представилъ этотъ знакомый каждому христіанину образъ. Его картина «довольно странная по своей формѣ, около двухъ съ половиной аршинъ въ длину и никакъ не болѣе шерсти вершковъ въ высоту» (224), — что уже однимъ своимъ видомъ представляетъ тѣсное пространство съ тѣломъ во всю длину. Зритель, наблюдающій изображеніе, какъ бы невольно заглядываетъ въ пріоткрытый гробъ, въ которомъ покоится Христосъ. Дальше — больше. Само тѣло Господа нарисовано такъ, какъ никогда ранѣе смерть Его не изображалась въ живописи. Это не смерть Христа, воплощенная, къ примѣру, въ работѣ Рафаэля «Преображеніе» (1516–1520), где художникъ показалъ смерть какъ процессъ невѣроятный для Бога, но всё въ Его окруженіи говоритъ о скоромъ воскресеніи Господа. Въ работѣ Гольбеина Младшаго смерть изображается въ ея естественномъ видѣ: съ тлѣющими пальцами рукъ и ногъ, съ заостренными отъ изсушенія чертами лица. Смерть какъ она есть. Именно въ этомъ ужасѣ и страхѣ

художникъ и передалъ истинную вѣру людей, видѣвшихъ эту картину въ новозавѣтную пору воочію, своими собственными глазами. Та сила воли и упорство, что не позволили апостоламъ отречься отъ своей вѣры при видѣ настоящей смерти, поразили Гольбеина.

Въ романѣ же князь подмѣчаетъ авторскую задумку, говоря:

«Да отъ этой картины у иного еще вѣра можетъ пропасть!» (225).

На что съ отчаяніемъ отвѣчаетъ Рогожинъ:

«Пропадаетъ и то...» (225).

Данная сцена косвеннымъ путѣмъ иллюстрируетъ отношеніе обоихъ героевъ къ вѣрѣ, вѣрѣ настоящей, исходящей изъ любви къ Богу, которой, какъ выясняется, у Рогожина, въ отличіе отъ князя, нѣтъ, ибо его удѣлъ любить страстно, до ненависти. А такой любовью къ Господу, не преобразившись, не приблизиться и не открыть своего сердца для христіанской любви къ ближнему и дальнему.

Список литературы

1. Борисова В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: история и типология понимания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 4. С. 194–200.
2. Евлампиев И. И. Роман «Идиот»: Христос как идеал любовных отношений людей и как символ истинного бессмертия // Евлампиев И. И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. СПб.: РХГА, 2021. С. 363–466.
3. Есаулов И. А. Анализ, интерпретации и понимание в изучении литературы // Есаулов И. А., Тарасов Б. Н., Сытина Ю. Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. М.: Индрик, 2021. С. 7–30. (а)
4. Есаулов И. А. Представления о «карнавале», «норме», «своем» / «чужом» и проблема контекстов понимания («Идиот») // Есаулов И. А., Тарасов Б. Н., Сытина Ю. Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. М.: Индрик, 2021. С. 73–101. (б)
5. Захаров В. Н. Воскрес ли мертвый Христос? // Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 272–299.
6. Иванова С. В. Типология жеста: захват запястья // Зеленый зал-3. Альманах. СПб.: Российский институт истории искусств, 2013. С. 55–72.
7. Исупов К. Г. Князь Мышкин и его миссия // Универсум Ф. М. Достоевского. СПб.: РХГА, 2021. С. 433–441.

8. Касаткина Т. А. Смерть, новая земля и новая природа в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3. С. 16–39.
9. Касаткина Т. А. «Я великая, великая грешница...»: Богословие греха в «Преступлении и наказании» и «Идиоте» // Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 184–196. (a)
10. Касаткина Т. А. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: о высшей и низшей природе человека // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 14–30. (b)
11. Кибальник С. А. Основные тенденции современного изучения творчества Ф. М. Достоевского // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 67–83.
12. Орвин Д. «Идиот» и проблема любви к другим и себялюбия в творчестве Ф. М. Достоевского // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых. М.: Наследие, 2001. С. 405–424.
13. Свительский В. А. «Сбились мы. Что делать нам!...»: к сегодняшним прочтениям романа «Идиот» // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2000. № 15. С. 205–228.
14. Соина О. С., Сабиров В. Ш. Князь Мышкин: совершенный человек в несовершенном обществе // Соина О. С., Сабиров В. Ш. Философская антропология Ф. М. Достоевского. СПб.: РХГА, 2021. С. 150–205.
15. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс: Вильгитс, 1991. 599 с.

References

1. Borisova V. V. F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot": History and Typology of Commentary. In: *Dostoevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskij zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2018, no. 4, pp. 194–200. (In Russ.)
2. Evlampiev I. I. The Novel "The Idiot": Christ as an Ideal of Love Relationships Between People and as a Symbol of True Immortality. In: *Evlampiev I. I. Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F. M. Dostoevskogo [Evlampiev I. I. The Image of Jesus Christ in the Philosophical Worldview of F. M. Dostoevsky]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021, pp. 363–466. (In Russ.)
3. Esaulov I. A. Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Literature. In: *Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo [Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Dostoevsky's Legacy]*. Moscow, Indrik Publ., 2021, pp. 7–30. (In Russ.) (a)
4. Esaulov I. A. Ideas About "Carnival", "Norm", "One's own"/"Alien" and the Problem of Contexts of Understanding ("The Idiot"). In: *Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo [Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Dostoevsky's Legacy]*. Moscow, Indrik Publ., 2021, pp. 73–101. (In Russ.) (b)

5. Zakharov V. N. Did the Dead Christ Resurrect? In: *Zakharov V. N. Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [Zakharov V. N. *The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on Creative Works*]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 272–299. (In Russ.)
6. Ivanova S. V. Typology of Gesture: Grasping the Wrist. In: *Zelenyy zal-3. Al'manakh*. St. Petersburg, Russian Institute of Art History Publ., 2013, pp. 55–72. (In Russ.)
7. Isupov K. G. Prince Myshkin and His Mission. In: *Universum F. M. Dostoevskogo* [Universum of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021, pp. 433–441. (In Russ.)
8. Kasatkina T. A. Death, New Land and New Nature in F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot". In: *Dostoevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2020, no. 3, pp. 16–39. (In Russ.)
9. Kasatkina T. A. "I Am a Great, Great Sinner": The Theology of Sin in "Crime and Punishment" and "The Idiot". In: *Bogoslovie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Theology]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 184–196. (In Russ.) (a)
10. Kasatkina T. A. Dostoevsky's Novel "The Idiot": About the Higher and Lower Nature of Man. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2021, no. 4, pp. 14–30. (In Russ.) (b)
11. Kibal'nik S. A. The Main Trends in the Contemporary F. M. Dostoevsky Studies. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2020, vol. 79, no. 4, pp. 67–83. (In Russ.)
12. Orvin D. "The Idiot" and the Problem of Love for Others and Selfishness in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya. Sbornik rabot otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot": the Current State of Study: a Collection of Works by Home and Foreign Scientists]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 405–424. (In Russ.)
13. Svitel'skiy V. A. "We Got Lost. What Should We Do!..": to Today's Readings of the Novel "The Idiot". In: *Dostoevskiy i mirovaya kultura* [Dostoevsky and World Culture]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2000, no. 15, pp. 205–228. (In Russ.)
14. Soina O. S., Sabirov V. Sh. Prince Myshkin: a Perfect Man in an Imperfect Society. In: *Soina O. S., Sabirov V. Sh. Filosofskaya antropologiya F. M. Dostoevskogo* [Soina O. S., Sabirov V. Sh. *Philosophical Anthropology of F. M. Dostoevsky*]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021, pp. 150–205. (In Russ.)
15. Florovskiy G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Vilnius, Vil'tis Publ., 1991. 599 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Скулкин Артём Андреевич, Artyom A. Skulkin, student of the студентъ направления «английская English Philology Department of the филология» факультета филологии Faculty of Philology and Journalism, и журналистики, Самарский госу- Samara National Research University дарственный университет имени named after S. P. Korolev (Moskovskoe академика С. П. Королёва (Москов- shosse 34, Samara, 443086, Russian ское ш., 34, Самара, Российская Federation); e-mail: skulkin21@yandex. Федерация, 443086); e-mail: skulkin21@ ru. yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.01.2022

Принята к публикации / Accepted 16.01.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022